

С тех пор, как она вернулась с банкета из туалета, она оставалась в таком состоянии.

Её щёки пылали румянцем, глаза сияли необычайно ярко, а взгляд, устремлённый на экран, был наполнен радостью.

Экран нового цветного телефона время от времени вспыхивал, отражаясь в её глазах, которые сверкали, как звёзды.

Су Вэй жила недалеко от отеля, и машина быстро доехала до её общежития.

Выйдя из машины, Су Вэй попрощалась с Мо Инем.

Под ослепительным звёздным небом летней ночи её улыбка была такой же сладкой, как в детстве.

Прощавшись, Су Вэй уже собиралась уйти, но Мо Инь внезапно заговорил:

— Вэйвэй, тебе нравится твоя нынешняя жизнь?

Су Вэй на мгновение замерла, обернувшись.

Свет в салоне машины уже погас, и она не могла разглядеть выражение лица Мо Иня, но на её лице всё равно появилась улыбка, а голос прозвучал сладко и радостно:

— Да, мне нравится.

Мо Инь помолчал несколько секунд. Су Вэй, кажется, увидела, как он помахал рукой.

Его голос был чистым и ясным:

— Тогда, Вэйвэй, тебе нужно продолжать стараться. Уже поздно, будь осторожна по дороге домой.

Су Вэй снова замерла, не понимая, почему Мо Инь вдруг задал такой вопрос, но привычка, выработанная долгими годами в шоу-бизнесе, заставила её автоматически улыбнуться:

— Хорошо, я поняла, я постараюсь.

Мо Инь больше ничего не сказал. Машина быстро уехала.

Су Вэй стояла на месте, наблюдая, как машина удаляется. Фонари возле общежития недавно сломались, и когда машина скрылась из виду, вокруг не осталось ни единого источника света.

Стоя в этой темноте, Су Вэй вдруг почувствовала странное ощущение.

Ей показалось, что с уходом Мо Иня исчез и последний луч света, который она могла бы ухватить в своей жизни.

И теперь её оставшаяся жизнь будет погружена во тьму.

Много лет спустя, вспоминая этот день, Су Вэй всё равно думала, что жизнь — словно шутка.

Она помнила, как Мо Инь сидел в темноте и почти равнодушным тоном спросил:

— Тебе нравится твоя нынешняя жизнь?

Су Вэй не знала, хотел ли Мо Инь дать ей последний шанс, но она знала: произнеся слово «нравится», она навсегда определила свою судьбу.

Ей придётся заплатить за эту «любимую» жизнь всем: достоинством, репутацией, свободой и даже... любовью.

Вспоминая всё это, Су Вэй сидела на крыше высотного здания.

Одна.

Ночной ветер шелестел, поднимая её изорванное платье, и ей стало невыносимо холодно.

Так холодно.

Она опустила взгляд вниз, где под ней простиралась оживлённая улица.

Машины безостановочно двигались.

Если бы Мо Инь был здесь, он мог бы спросить:

— Ты знаешь? Маленькая Ни тоже сидела здесь когда-то.

На том же самом месте, с теми же чувствами.

Ей тоже было так холодно.

Так холодно.

Мо Инь, сидя на заднем сиденье машины, смотрел в окно, пару секунд молчал, затем достал телефон, нашёл в контактах один номер и отправил сообщение:

[Они уже встретились.]

Ответ пришёл быстро:

[Хорошо.]

За окном ночь была глубокая, и в этой тьме, казалось, что-то постепенно формировалось.

Янь Ло вошла в съёмочную группу «Сказания о Чжуйюй» в 9 утра.

Вся группа была занята активной подготовкой.

Все были настолько заняты, что никто сразу не заметил появления Янь Ло.

Мисс Янь, щеголяя в туфлях на десятисантиметровом каблучке, подошла к режиссёру Суню, который в этот момент лежал на полу, проверяя качество реквизита.

Мисс Янь была в чёрных туфлях и чёрном кожаном платье, с волнистыми волосами, спадающими на плечи, и ярко-красной помадой, которая придавала ей внушительный вид.

Она стояла перед режиссёром Сунем, и казалась даже выше его, хотя он и так был невысоким.

Режиссёр Сунь, увидев её, замер, быстро поднялся с пола и осторожно спросил:

— Мисс Янь, вы пришли...?

Янь Ло, с её внушительной внешностью, услышав вопрос, прикрыла рот рукой и засмеялась:

— Режиссёр Сунь, вы забыли? Во время проб мы договорились, что я сыграю в одной сцене.

Её смех был очаровательным, но режиссёр Сунь вдруг встревожился:

— Да, точно, это было. Я чуть не забыл. Сегодня действительно день этой сцены, тогда... мисс Янь, пожалуйста, пройдите в гримёрку? Я сразу же отправлю кого-нибудь, чтобы вам сделали грим.

Янь Ло снова улыбнулась режиссёру Суню, затем, грациозно повернувшись на своих высоких каблуках, направилась в гримёрку.

Режиссёр Сунь, глядя на её уходящую спину, вытер пот со лба, как вдруг рядом появилась голова, робко приблизившаяся к нему:

— Режиссёр, что происходит? Мисс Янь... она тогда говорила серьёзно?! Это не шутка?!

Режиссёр Сунь взглянул на него, увидев, что это один из его учеников, и, толкнув его голову, сказал:

— Тебе какое дело до мисс Янь? Просто выполняй свою работу. Площадка готова?

— Готова, готова, — поспешно кивнул тот. — Я только что с Сяо Лю всё проверил, всё в порядке.

Режиссёр Сунь кивнул:

— Хорошо, сообщи всем, начинаем съёмки.

Тот снова кивнул и побежал оповещать остальных.

Основное место действия этой сцены — мрачная комната.

Назвать её комнатой было бы преувеличением, судя по разбросанным повсюду орудиям пыток, это была скорее пыточная.

В комнате было не только темно, но и сыро, повсюду витал запах крови.

Посреди пыточной на виселице висел человек.

Он был одет в ярко-красную одежду, его тело было стройным и пропорциональным.

Его одежда была уже изорвана, на ней виднелись следы от кнута, а кожа, проглядывающая сквозь разрывы, была бледной.

Этот цвет кожи обычно выглядел бы аристократично и привлекательно, но сейчас, на фоне синяков и рубцов, он казался пугающим.

Мужчина, казалось, был без сил, его голова была опущена, и, похоже, он был без сознания, так что его лицо было неразличимо.

Его длинные чёрные волосы были пропитаны водой и кровью, слипшись на теле.

На ногах у него не было обуви, он стоял босыми ногами на полу пыточной.

Под ним образовалась лужа крови.

Оказалось, что все ногти на его пальцах ног были вырваны.

Кто-то внезапно открыл дверь пыточной.

В темной комнате внезапно появился яркий свет, ослепляющий глаза.

Но мужчина, казалось, ничего не заметил, не подавая никакой реакции.

Вошедший нахмурился, с грохотом закрыл дверь и, держа в руке кнут, направился к человеку, привязанному в центре комнаты.

Вошедший был одет в чёрный облегающий костюм с металлическими деталями. Под костюмом угадывалось женское тело.

На лице женщины была чёрная маска, скрывающая её лицо.

Но в этот момент никто не хотел бы видеть её лицо, если бы в пыточной был кто-то ещё, все внимание было бы приковано к кнуту в её руке.

Кнут был недлинным, примерно две трети от обычного. Но он был очень толстым, как детская рука. На его поверхности были ужасающие металлические шипы!

Эти шипы блестели в тусклом свете, вызывая ужас, от которого можно было потерять рассудок, не обращая внимания на что-либо ещё.

Даже если бы женщина была красавицей, это бы никого не интересовало.

Женщина подошла к мужчине, посмотрела на его опущенную голову и, казалось, без сознания, усмехнулась, схватила его за волосы и подняла голову.

Женщина усмехнулась:

— Что, всего через десять дней наш глава Демонического учения Чанцзюэ уже сдался? Как удивительно, что глава Демонического учения, единственный в мире, покорился этому простому железному кнуту?

Её голос был звонким, но интонация была совершенно ровной, как будто она была машиной без эмоций.

Мужчина, вынужденный поднять голову, наконец показал своё лицо.

<http://bllate.org/book/16376/1481744>